
Игра в го
Дари Евс
18+

Дари Евс

Игра в го

«Автор»
2026

Евс Д.

Игра в го / Д. Евс — «Автор», 2026

Рутина патологоанатома, строгие костюмы и размеренные партии в го — так выглядела жизнь Кан Хаён до того дня, когда мир раскололся. Авария и кома изменили её навсегда: теперь она видит тех, кто уже перешёл черту. Мёртвые шепчут, преследуют, ищут её внимания. Но когда в её тихую партию врывается призрак мужчины, умоляющий спасти его от вечного забвения, Хаён делает невозможный выбор — помочь.В скором времени Хаён узнаёт: именно этот мужчина — виновник той самой аварии, что обрушила её в кому. А дальше — словно по воле злого рока — она оказывается втянута в мистическое расследование, и параллельно с этим в её душе пробуждаются чувства, которых она прежде никогда не испытывала.

© Евс Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Дари Евс
Игра в го

Глава 1

— Кан Хаён, ты пойдёшь с нами? Эй, Хаён!

Я не сразу услышала, что меня зовут. Голос доносился словно издалека, приглушённый музыкой в одном ухе, гулом вентиляции и ровным металлическим звоном инструментов. Только когда в дверном проёме появились знакомые силуэты, я подняла глаза от рабочего стола.

Но Чонэ и Пэк Мисон стояли на пороге кабинета, сияя так, будто собирались не просто прогуляться по Хондэ, а отправиться в кругосветное путешествие. Обе уже успели переодеться после смены. На Чонэ была короткая светлая куртка, яркий шарф и огромные серьги, которые покачивались при каждом движении. Мисон выглядела скромнее: серая кофточка, джинсы, аккуратно собранные волосы и неизменная сумка через плечо. Но улыбка у неё была такой же широкой.

Я сняла латексные перчатки, выбросила их в специальный контейнер и вытащила из уха наушник.

— Что? — спросила я, хотя прекрасно расслышала вопрос.

— Мы идём в Хондэ! — Чонэ шагнула внутрь кабинета. — Там сегодня открылась новая музыкальная площадка, а ещё обещают уличное представление. Поедешь с нами?

— Нет, девочки. Мне нужно закончить с этим господином.

Я кивнула на металлический стол, где под белой простынёй находился мой сегодняшний «клиент». Он лежал совершенно неподвижно и, в отличие от большинства живых людей, не требовал ни внимания, ни сочувствия, ни объяснений. Правда, работы с ним всё равно оставалось немало.

Чонэ сложила руки на груди и недовольно надула губы.

— Ну-у-у, Кан Хаён, ты всегда так говоришь! Один раз можно сделать исключение.

— Я и так собиралась задержаться ненадолго.

— Ты это говорила вчера.

— Вчера была другая ситуация.

— И позавчера тоже была «другая ситуация», — вмешалась Мисон. — А неделю назад ты сказала, что выйдешь с нами сразу после работы. Мы ждали тебя возле входа почти сорок минут.

— Я предупреждала, что задержусь.

— Ты прислала сообщение, когда мы уже уехали, — заметила Чонэ.

Я виновато улыбнулась и потянулась за блокнотом.

— Сегодня действительно не могу. Нужно закончить протокол, проверить результаты и привести всё в порядок.

— Твой господин никуда не денется, — Чонэ театрально вздохнула. — Ему уже некуда торопиться.

— Чонэ!

— Что? Я всего лишь констатирую факт.

Мисон тихо рассмеялась, а я покачала головой. В этом была вся Чонэ: она могла шутить даже там, где большинство людей предпочло бы говорить шёпотом. Иногда её легкомысленность раздражала, но чаще спасала от тяжёлой атмосферы, которая неизбежно окружала нашу работу.

— Давайте завтра, — сказала я. — Завтра я точно пойду.
— Ты обещаешь?
— Обещаю.
Чонэ прищурилась, будто пыталась понять, можно ли мне верить.
— Если завтра не придёшь, мы утащим тебя силой.
— Только попробуйте.
— И заодно прихватим твоего господина, — добавила она с хохотом.
— Он вряд ли оценит прогулку.
— А вдруг ему понравится ночной Сеул?

Девушки рассмеялись и наконец вышли из кабинета. Их голоса ещё несколько секунд звучали в коридоре, затем стихли. Дверь осталась приоткрытой, и в помещение вернулась привычная тишина.

Я снова посмотрела на стол.

— Не обращайте внимания, — пробормотала я. — Они всегда преувеличивают.

Разумеется, ответа не последовало.

Итак, позвольте представиться. Меня зовут Кан Хаён. Мне двадцать семь лет. Я живу в Сеуле и работаю патологоанатомом при городской больнице.

Семейного положения, достойного отдельного рассказа, у меня нет. Я не замужем, детей у меня тоже нет, а круг близких людей ограничивается двумя подругами и моей матерью, которая до сих пор надеется, что однажды я внезапно изменю профессию, выйду замуж и начну вести жизнь нормального человека.

Правда, сама я никогда не понимала, что именно означает «нормальная жизнь».

В детстве я была тихим ребёнком. Не застенчивым — скорее, наблюдательным. Мне нравилось сидеть у окна и разглядывать людей во дворе, запоминать их привычки, походку, жесты. Я редко участвовала в шумных играх и почти никогда не спорила с другими детьми. Училась прилежно, читала много, а больше всего любила биологию.

Пока одноклассницы обсуждали актёров, одежду и мальчиков из старших классов, я могла часами рассматривать иллюстрации в учебниках, изучая строение человеческого тела. Меня интересовало, как всё устроено, почему организм работает именно так и что происходит, когда этот сложный механизм даёт сбой.

Поэтому с выбором профессии я определилась довольно рано.

Когда я впервые сказала матери, что хочу стать патологоанатомом, она несколько секунд молчала, а затем схватилась за сердце.

— Боже, Хаён, ты с ума сошла?

— Почему?

— Потому что нормальные люди не мечтают работать с мёртвыми!

— А если я буду хорошо выполнять свою работу?

— Дело не в этом! Как ты собираешься каждый день смотреть на тела? Как ты вообще сможешь там находиться?

Я не знала, что ответить. Для меня это не было чем-то ужасным. Смерть казалась не страшной, а неизбежной частью жизни. Страшными были ложь, равнодушие и ошибки, из-за которых человек мог не получить правосудия.

К тому же мои клиенты были молчаливыми и никогда не жаловались.

Конечно, это была шутка. В нашей профессии без уважения к умершим делать нечего. Каждый человек, которого доставляют в морг, — не просто тело. За ним остаётся чья-то история, чьи-то воспоминания, чья-то боль. Работа патологоанатома заключается не только в том, чтобы установить причину смерти. Иногда именно от заключения зависит, будет ли найден виновник, получит ли семья ответы и сможет ли кто-то наконец перестать ждать человека, который уже не вернётся.

Но объяснить это матери тогда было трудно. Она слышала лишь одно: её дочь добровольно выбрала работу среди мёртвых.

В конце концов мама смирилась. Правда, до сих пор старается не задавать мне лишних вопросов о работе и каждый раз советует поесть что-нибудь «настоящее», если замечает, что я снова пропустила ужин.

Помимо работы у меня есть несколько странных, на взгляд окружающих, привычек. Я обожаю строгие костюмы, музыку пятидесятых годов, алую помаду и игру в го.

Особенно го.

Для многих это всего лишь настольная игра, в которой два человека молча расставляют чёрные и белые камни на деревянной доске. Но для меня го всегда было чем-то большим.

Го — древняя стратегическая игра для двух игроков. Её цель заключается в том, чтобы окружить и захватить как можно больше территории, используя камни своего цвета. Правила кажутся простыми: игроки по очереди ставят камни на пересечения линий, и после этого камни уже не перемещаются. Однако за внешней простотой скрывается невероятная глубина.

Каждый ход меняет положение на доске. Иногда камень, который кажется бесполезным, через несколько десятков ходов становится частью сложной комбинации. Порой приходится пожертвовать целой группой, чтобы получить преимущество в другом месте. Бывает и так, что победа решается не масштабной атакой, а одним незаметным движением, которое соперник поначалу даже не воспринимает всерьёз.

В го нужно уметь ждать.

Эта игра появилась в Древнем Китае, где была известна под названием вэйци. Позже она распространилась на Корейском полуострове и получила название бадук. Затем игра пришла в Японию, где её стали называть го. Именно японское название в итоге стало наиболее известным за пределами Восточной Азии.

В Корее го по-прежнему занимает особое место. Для кого-то это спорт, для кого-то — искусство, а для кого-то — способ научиться терпению и видеть ситуацию целиком, а не цепляться за одну деталь.

Мне нравилось, что в го нельзя полагаться только на скорость реакции. Здесь недостаточно быть смелым или агрессивным. Побеждает тот, кто умеет просчитывать последствия, распознавать намерения противника и сохранять спокойствие, когда всё идёт не по плану.

Каждый камень имеет так называемые дыхания — свободные соседние пункты по горизонтали и вертикали. Если противник перекрывает все дыхания камня или группы камней, они захватываются и снимаются с доски. Нельзя поставить камень в точку, где он сразу окажется без дыханий, если только этот ход не приводит к захвату камней соперника.

Есть и правило ко: нельзя немедленно повторять позицию, существовавшую до предыдущего хода противника. Иначе одна и та же последовательность могла бы продолжаться бесконечно.

Партия заканчивается, когда оба игрока по очереди пасуют, признавая, что дальнейшие ходы не принесут выгоды. После этого подсчитывается территория, и определяется победитель.

Но мне нравился не только сам результат. Мне нравился процесс: звук камня, коснувшегося доски, сосредоточенные лица игроков, паузы между ходами и ощущение, что за несколькими чёрными и белыми точками разворачивается настоящая война.

Я посещала клубы любителей го, но чаще играла в парках. Там часто собирались пожилые мужчины, которые сначала смотрели на меня с лёгким недоверием. Наверное, им казалось, что молодая женщина в строгом костюме пришла просто из любопытства и не знает даже базовых правил.

Обычно я не спешила их разочаровывать.

Садилась напротив, вежливо кланялась и молча расставляла камни.

Через несколько минут соперники переставали улыбаться снисходительно. Через полчаса начинали задумчиво хмуриться. А после партии некоторые предлагали сыграть ещё раз, уже без прежнего отношения.

Сегодня я тоже выбрала не Хондэ, а парк и го.

После окончания смены я проверила документы, сняла рабочий халат и переоделась. За окном уже темнело. Вечерний Сеул загорался тысячами огней: вывески магазинов, фары машин, окна высотных домов. В коридорах больницы было непривычно спокойно. Дневной шум постепенно сменялся ночной тишиной, нарушаемой лишь шагами дежурных сотрудников.

Я попрощалась с коллегами и вышла на улицу.

Воздух оказался прохладнее, чем я ожидала. Я застегнула пиджак и направилась к остановке. До парка можно было добраться на автобусе, но я решила пройти часть пути пешком. После долгого дня в закрытом помещении хотелось немного проветрить голову.

На телефон пришло сообщение от Чонэ.

«Не забудь своё обещание! Завтра мы лично проверим, придёшь ли ты».

Следом появилось сообщение от Мисон:

«Не задерживайся на работе. И поешь».

Я усмехнулась и убрала телефон в карман.

— У меня не две подруги, а две строгие надзирательницы, — пробормотала я.

До парка оставалось несколько кварталов. Я перешла дорогу на светофоре, затем остановилась у небольшого магазина, чтобы купить горячий кофе. Продавец узнал меня и привычно кивнул. Видимо, я слишком часто заходила сюда по вечерам.

Пока я ждала напиток, в голове уже складывалась будущая партия. Я вспоминала недавнюю игру, анализировала ошибку, которую допустила в середине, и пыталась понять, можно ли было избежать поражения.

Мой последний соперник поставил камень в странном месте — почти на краю доски. Сначала я решила, что это случайный ход или попытка отвлечь меня. Но через несколько минут поняла: он создавал основу для атаки с противоположной стороны.

Я слишком поздно заметила замысел.

Поражение было честным, но неприятным.

Получив кофе, я снова пошла вперёд. Вокруг было много людей: кто-то спешил домой, кто-то направлялся в кафе, кто-то разговаривал по телефону. Мимо проносились автобусы, на перекрёстках мигали сигналы светофоров, а над улицами висел привычный гул большого города.

Я дошла до широкого перекрёстка и остановилась у края тротуара.

Свет для пешеходов сменился на зелёный.

Люди вокруг двинулись вперёд, и я пошла вместе с ними, придерживая стаканчик с кофе одной рукой. Я была погружена в мысли о го и почти не обращала внимания на окружающий шум.

Именно поэтому не заметила автомобиль.

Сначала до меня донёсся резкий визг тормозов.

Я повернула голову.

Машина двигалась слишком быстро и оказалась совсем близко. Водитель резко вывернул руль, кто-то закричал, кофе выскользнул из моей руки.

Я успела сделать шаг назад.

Потом последовал удар.

Мир перевернулся. В боку вспыхнула острая боль, настолько сильная, что на несколько секунд исчезло дыхание. Я почувствовала, как падаю, ударилась затылком о холодный асфальт и услышала глухой звон — возможно, это стакан, а может, шумело уже внутри моей головы.

Во рту появился металлический вкус.

Кто-то кричал, чтобы вызвали скорую. Кто-то ругался на водителя. Надо мной мелькали лица, но я не могла их разглядеть. Звуки смешались, растянулись и стали похожи на гул под водой.

Я попыталась пошевелить рукой, но пальцы почти не слушались.

В голове промелькнула нелепая мысль: Я ведь собиралась сыграть сегодня ещё одну партию.

Потом появилась другая: Нужно запомнить номер машины.

Но сосредоточиться не получалось.

Я слышала сирену, чувствовала холод и пыталась не закрывать глаза. Кажется, у меня было сотрясение. Возможно, ещё перелом. Я знала симптомы, знала, насколько опасной может быть потеря сознания, и потому изо всех сил старалась оставаться в сознании.

Но веки становились всё тяжелее.

Последнее, что я увидела перед тем, как провалиться во тьму, — маленький белый камень для го, лежавший на асфальте возле моей ладони.

Я не понимала, откуда он взялся.

А затем исчезли и парк, и шум улицы, и свет вечернего Сеула.

Глава 2

Я открыла глаза, и в комнату ворвался резкий, слепящий свет — он хлестнул по векам, будто кто-то наотмашь ударил солнечным лучом. Первые секунды я не могла разобрать ничего вокруг: только белые пятна, размытые силуэты и гул в ушах. Но когда зрение наконец приспособилось, я поняла, что нахожусь в больничной палате. Запах дезинфекции и казённого белья, тихое гудение аппаратуры — всё это показалось мне до жути знакомым и одновременно чужим. Я с трудом приподнялась на подушке, ощущая, как тело налито свинцом, каждая мышца отзывается тупой болью. И тогда осознание накрыло меня тяжёлой волной: всё серьёзно. Очень серьёзно.

Дверь распахнулась с громким щелчком, и в палату вошла мама — встревоженная, бледная, с растрёпанными волосами, будто она не спала несколько суток подряд. Она бросилась ко мне, и её глаза наполнились слезами.

— Хаён! — всплеснула она руками, и голос её дрогнул. — Я сейчас вызову врача! — И тут же, не дожидаясь моего ответа, она вылетела из палаты, оставив за собой лишь запах духов и тревогу, которую невозможно было спрятать.

Спустя некоторое время пришли медики — в белых халатах, с сосредоточенными лицами и планшетами в руках. Они провели осмотр, задавая короткие, дежурные вопросы, и я отвечала им как сквозь вату. Оказалось, меня сбила машина, и я провела в коме целый месяц. Целый месяц, словно вычеркнутый из моей жизни, — пустота, в которой не было ни снов, ни ощущений. Только теперь, когда я очнулась, время снова потекло для меня, но оно текло и для всех остальных, пока я лежала неподвижно.

Постепенно я пошла на поправку. Дни сменялись один за другим: уколы, процедуры, короткие прогулки по коридору под присмотром мамы, которая почти не отходила от меня. Меня выписали, и я вернулась домой — вернее, на ближайшие дни я жила у мамы, потому что она ужасно переживала и боялась оставлять меня одну. Её дом встретил меня знакомым уютом: запахом моего любимого кимпаба и пыльных книжных полок, тёплым светом настольной лампы в гостиной. Но в этой тишине я чувствовала, как она следит за каждым моим движением, будто я могла раствориться в воздухе.

Однажды вечером мы сидели на кухне, и мама вдруг заговорила, глядя куда-то в окно:

— Хаён, когда мне позвонили из скорой, я думала, сойду с ума. — Голос её дрожал, и она сжала край стола побелевшими пальцами. — Я так за тебя волновалась! Каждую ночь спала в больнице, взяла отпуск на работе. Сказала начальнику: «У меня дочь умирает, я не могу работать». А он только кивнул и отпустил меня.

— Теперь всё хорошо, спасибо, мама, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрдо.

— Твои подружки тебя навещали. — Она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло что-то тёплое и одновременно строгое. — Я им говорила, что ты пока в сознание не приходишь, но они всё равно приходили. Твердили, что ты обязана очнуться, потому что обещала пойти с ними в Хондэ. — Мама закатила глаза, и я рассмеялась — впервые за долгое время, и смех этот вырвался из меня легко, почти беззвучно.

— Ну ты же их знаешь, они обожают там тусоваться.

— Вы такие разные… Они весёлые, — мама присела на край дивана, протягивая мне чашку кофе, и пар от него поднимался лёгкой спиралью. — А ты… вся в своей работе. Так ты себе парня не найдёшь! — возмущённо воскликнула она, в голосе её снова прозвучала та материнская ворчливость, которую я любила и боялась одновременно.

— Мама! Прекрати! — заныла я, закатывая глаза.

— Ты точно хочешь оставить меня без внуков! — погрозила она пальцем, но в уголках её губ уже пряталась улыбка.

Я покачала головой, делая глоток кофе, и вдруг спросила:

— А как водитель?

Мама замерла. Её лицо на мгновение стало серьёзным, и она медленно опустила чашку на стол.

— Он до сих пор в коме. Молодой парень, не справился с управлением. Очевидцы говорят, будто какая-то мистика: он начал тормозить, а машина резко дала по газам. Хотя кто его знает, что там произошло. Он сбил тебя и на полной скорости врезался в дерево. Чудом выжил. Но что теперь сказать…

Я смотрела на неё, и в голове у меня крутились обрывки каких-то неясных образов — но я не могла ухватить их за хвост. Они ускользали, как песок сквозь пальцы.

— Надеюсь, он выживет, — тихо сказала я.

Мама пожала плечами, и мы замолчали. В комнате было тепло, но за окном осень уже начала набирать свою холодную силу.

Спустя неделю я вернулась на работу. Едва переступив порог кабинета, я услышала резкий звук праздничных дудочек — пронзительный и весёлый, как в детстве. Воздушные шары

взметнулись к потолку, сияющие лица коллег окружили меня: Но Чонэ, Пэк Мисон, заведующий отделением Ли Ёнсу и моя коллега-патологоанатом Чон Анджи. Они стояли плотным кругом, словно пытаясь согреть меня своим присутствием.

— Сюрпри-и-из! — завопили они хором, и их голоса слились в один звонкий аккорд.

— Боже! Вы меня напугали! — рассмеялась я, прижимая руки к груди.

— Мы рады, что ты вернулась и наконец приступишь к работе, — с улыбкой произнёс Ли Ёнсу, в его голосе прозвучала та спокойная уверенность, которая всегда успокаивала меня.

— Господин Ёнсу, она только пришла, а вы сразу про работу, — недовольно заметила Мисон, покачивая головой, и я почувствовала тепло её участия.

— Сегодня не отвертишься, подруга, мы идём в Хондэ! — подмигнула мне Чонэ, в её глазах заплясали озорные искорки.

Я было хотела отказаться и, как всегда, пойти после работы играть в го — моя тихая, уединённая привычка, которая всегда помогала мне собраться с мыслями. Но отказаться было неловко: в прошлый раз вышло не особо удачно, и я не хотела снова подводить их.

— Хорошо, сегодня точно идём! — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

Мы съели по пирожному, запивая чаем, и затем каждый приступил к своим делам. Я направилась к моргу, и когда подошла к входу, то увидела пожилого мужчину: он держался за ручку двери, но не открывал её, просто стоял неподвижно, словно застыл в каком-то своём мире. Его спина была согнута, плечи опущены, и в этой позе было что-то беспомощное, трогательное.

— Господин, вам помочь? — спросила я, подходя ближе, но мужчина молча повернулся ко мне и улыбнулся. Улыбка была странной — лёгкой, но в ней не было ни радости, ни узнавания, словно он смотрел сквозь меня.

Тут подбежала Но Чонэ, запыхавшаяся и встревоженная.

— Господин Чан, вам не сюда. — Она подхватила его под руку и увлекла за собой, мягко, но настойчиво. — У него деменция, — бросила она через плечо, в голосе её прозвучала усталость человека, который повторяет это слишком часто.

— Поняла, — ответила я, глядя ему вслед.

Я вошла в кабинет, надела наушники и приступила к работе. В смене мы обычно работали по одному; я всегда трудилась в наушниках — так мне было проще сосредоточиться, отгородиться от шума и суеты. Меня редко отвлекали, и я спокойно и чётко выполняла свои обязанности, погружаясь в мир тишины и точности.

Наступило время обеда. Переодевшись, я отправилась в лапшичную неподалёку — поесть рамена. Запах бульона и специй ударил в нос, как только я переступила порог, и это было приятно, уютно.

— О, госпожа Кан! — поприветствовал меня Ингук, сын владельца лапшичной, в его голосе прозвучала тёплая нота знакомства.

— Привет, Ингук, как ты? — спросила я, улыбаясь.

— Спасибо, всё отлично. Вас давно не было, Кан Хаён, я уже думал, что вы ходите в другую лапшичную. — Парень погрозил пальцем, и на его лице появилась укоризненная, но добродушная гримаса. — Вы были в отпуске?

— Ну, можно и так сказать, — ответила я, не вдаваясь в подробности. Мне не хотелось объяснять ему всё это — аварию, кому, месяц небытия.

Получив свой рамен, я села у окна. Он был наваристый, с сочными кусочками курицы, маринованным яйцом и тонкой домашней лапшой, которая таяла во рту. Пар поднимался от тарелки, окутывая лицо влажным теплом, и я смотрела в окно на прохожих и мелькающие машины. Город жил своей жизнью: кто-то спешил, кто-то стоял на остановке, кто-то смеялся. Всё это казалось мне далёким, почти нереальным.

И вдруг я заметила на противоположной стороне девушку — она стояла у самого края дороги и словно смотрела прямо на меня. Взгляд её был пустым, но в нём чувствовалось что-то настойчивое, пронзительное. Я поёжилась, но не отвела глаз. Внезапно машины остановились, и девушка пошла по дороге, не сводя с меня взгляда. А слева на неё неслась машина — тёмный силуэт, который стремительно приближался.

— Осторожно! — я подпрыгнула с места и закричала на всё кафе, и мой голос сорвался в хриплый вопль.

Люди стали оборачиваться на меня: кто-то с любопытством, кто-то с недоумением. Но когда я снова взглянула на девушку, что была на проезжей части, там никого не было. Только пустой асфальт, блестящий под солнцем, и тень от уличного фонаря.

— Госпожа Кан, всё в порядке? — спросил Ингук, подходя ко мне с тревогой в глазах.

— Да, простите… мне показалось, — сказала я встревоженно и села на место, стараясь унять дрожь в руках.

Быстро доев рамен, я вернулась на работу. День прошёл спокойно, и я уже собиралась завершить его партией в го, как вдруг вспомнила, что пообещала подругам пойти в Хондэ. Внутренний голос шепнул мне, что я могу отказаться, но я подавила его.

— Кан Хаён! Бросай своего господина и пошли! — весело заверещали они, их голоса снова наполнили коридор жизнью.

— Подождите за дверью, я сейчас освобожусь.

Я накрыла тело, сняла перчатки и маску, вымыла руки с мылом, переоделась и вышла к девушкам. Они стояли вдвоём, и их лица сияли ожиданием.

— Хаён, мы заждались! Идём быстрее, успеваем на автобус!

Мы весело вбежали в автобус, оживлённо обсуждая рабочие моменты, и я впервые за долгое время почувствовала, как на душе становится легче. Добравшись до Хондэ, мы направились в любимое заведение подруг: кругом огни, танцующие люди, музыка, которая заставляла сердце биться в ритме. Приятно было оказаться среди живых, подумала я, улыбаясь самой себе. И вспомнила, что мои клиенты всегда безэмоциональны — это было частью работы, частью той реальности, в которой я существовала каждый день. Но однажды ко мне на стол попала женщина, на чьём лице была легкая улыбка, будто она ни о чём не сожалела. Я тогда подумала: как странно, что даже смерть не смогла стереть эту улыбку.

Я решила поддаться настроению. Мы сначала сели на веранде — было прохладно, но мне нравилось, я люблю осень, когда воздух становится прозрачным и золотым. Позже перебрались в сам бар, танцевали и пили текилу. Под конец вечера мне надоело танцевать, я решила выйти к столикам на улицу. Ночной воздух был свежим, и я с удовольствием вдыхала его, глядя на огни города. И вдруг увидела девушку, одетую как во времена Чосон — в традиционном ханбоке, с изящной причёской, и в лунном свете она казалась почти призрачной.

— Эй! — крикнула я ей, но она будто не заметила меня, продолжая стоять неподвижно.

— Эээээй! — крикнула громче, и она медленно повернулась. Её лицо было бледным, но красивым, и в глазах читалась какая-то печаль.

— Классный костюм! — сказала я, показывая большой палец вверх, и мои слова прозвучали глупо, но я уже не могла остановиться.

Она улыбнулась — лёгкой, загадочной улыбкой — и вдруг исчезла. Просто растворилась в воздухе, как будто её никогда и не было. «Что это?» — подумала я, и холодок пробежал по спине. Кажется, хватит пить, Кан Хаён!

Я пошла обратно в бар, чтобы попрощаться с подругами. Они сидели за столиком, смеялись, и их голоса смешивались с музыкой.

— Чонэ, Мисон! Я поехала. — сказала я, стараясь говорить ровно.

— Что? Но ещё так рано, Кан Хаён! — завопила Мисон, в её глазах мелькнуло разочарование.

— Мне что-то нехорошо, наверное, последствия аварии ещё дают о себе знать, — ответила я, и это было не совсем ложью.

— Хорошо, Кан Хаён. Позвони, как будешь дома!

— Конечно!

Мы попрощались, я села в такси и поняла, что не такая уж и пьяная. Но что я видела? Ладно, возможно, это правда последствия аварии. Нужно поспать и отдохнуть. Машина плавно скользила по ночным улицам, и за окном мелькали огни, но в голове у меня всё ещё стояла та девушка в ханбоке.

***

Утром я проснулась в прекрасном настроении. Солнце пробивалось сквозь шторы, и в комнате было тепло. Выйдя из комнаты, я направилась на кухню. Мама оставила записку на столе: «Милая, меня срочно вызвали на работу, кимпаб в холодильнике. Люблю тебя». Я улыбнулась, прочитав её, и открыла холодильник — аккуратно свёрнутый кимпаб лежал на полке, завернутый в плёнку. Позавтракав, я отправилась на работу, поприветствовала персонал, переоделась и пошла в морг. Но у двери снова увидела господина Чана. На этот раз его лицо было более осознанным.

— Господин Чан! Вам помочь? — спросила я.

— Нет, мне уже лучше. — Он улыбнулся и направился к выходу.

Я побежала за ним, но за поворотом его уже не было. Я испугалась: человек с деменцией ушёл один на улицу!

Я подбежала к регистрационному столу.

— Кто сегодня дежурит из медсестёр? — почти срываясь на крик, спросила я.

— Сейчас, — ответила девушка. — Сегодня дежурит Но Чонэ.

— Спасибо!

Я побежала на второй этаж искать Но Чонэ. Нигде её не было, но вдруг в открытой палате увидела, как она перестилает постель. В палате она была одна, и я влетела к ней, как ошпаренная.

— Но Чонэ! Господин Чан! Он только что вышел из больницы!

Она лишь грустно посмотрела на меня.

— Кан Хаён, господина Чана не стало сегодня ночью. Это его палата. — Она обвела рукой помещение.

— Нет! Он стоял у морга и сказал, что ему лучше, а затем вышел! Я же видела! — испуганно произнесла я.

Но Чонэ подошла ко мне, взяла за руку и увлекла за собой. Мы спустились вниз, зашли в морг и подошли к холодильникам. Она открыла дверцу, на которой была карточка с именем Чан Сухо. Увидев лицо мужчины, я ахнула.

— Не может быть! — с ужасом выдохнула я.

— Хаён, возьми пару выходных, — посоветовала Чонэ. — А то ты уже призраков начала видеть. Тебе нужно отдохнуть.

Я послушалась совета и взяла выходной. Перед этим зашла к нашему терапевту, чтобы проверить, всё ли со мной в порядке. Пройдя несколько процедур, он сказал, что я здорова и никаких отклонений не выявлено.

Было уже четыре часа, и я решила отправиться в парк поиграть в го и расслабиться. Там я подсела к старику и предложила ему сыграть.

— Надо же, я думал, что сейчас в го играют в основном старики, — сказал он. — Мне будет приятно сыграть с такой очаровательной соперницей! — добавил он с улыбкой.

Прошло около получаса, а мы всё ещё играли. Вдруг я услышала за спиной:

— Мдааа, старик попал, но ещё может победить.

Я обернулась. За мной стоял высокий симпатичный парень лет тридцати, с каштановыми волосами, в коричневой кофте, брюках и чёрном пальто. Когда я молча посмотрела на него, он словно испугался моего взгляда, но ничего не сказал.

Мы продолжили играть, и парень снова завопил:

— Нет, старик! Не туда!

— Да хватит ему подсказывать! — сказала я, глядя на парня.

И вдруг старик спросил:

— С кем это вы разговариваете?

— Как с кем? С ним! — указала я на парня.

Парень округлил глаза и улыбнулся.

— Ты что, меня видишь? — спросил он.

— Конечно! Я же не слепая!

— Дорогуша, вы, наверное, устали, — вдруг сказал старик. — Тут нет никого, кроме нас.

И тут я с ужасом поняла: кажется, я вижу призраков! Господин Чан, девушка у дороги, этот парень!

Глава 3

Я стояла в парке, дрожа от ужаса. Старик продолжал разглядывать меня странно, с подозрением, а парень засунул руки в карманы брюк и, ухмыляясь, смотрел прямо на меня.

— Господин, простите, но мне нужно идти, — сказала я старику, поклонившись, и сорвалась на бег.

Я не помню, сколько бежала, и вообще не ожидала, что способна так быстро мчаться на шпильках. Остановившись у какого-то здания, я решила перевести дух.

— Так ты правда меня видишь? — произнёс призрак, снова появившись передо мной.

Я взвизгнула так, что прохожие в шоке разбежались.

Я решила не идти сегодня к маме, а вернуться в свою квартиру. Шла я быстро, а он всё тащился следом.

— Ну чего ты молчишь? Я знаю, что ты меня видишь! Скажи, как тебя зовут, девушка?

Он говорил это так легко и непринуждённо, будто обычный прохожий парень просто решил со мной познакомиться.

— Отстань от меня, пожалуйста! — процедила я сквозь зубы, чуть слышно, чтобы прохожие не подумали, что я сошла с ума.

— Что? Я не слышу! Как зовут тебя? — снова спросил он с усмешкой.

Я опять побежала. И он бежал за мной.

Я села на остановку — как назло, она была пуста. Он сел рядом и пялился на меня.

— Ну как тебя зовут, девушка? — улыбнулся он.

— Кан Хаён! — закричала я. — Доволен?

Оказалось, я не заметила на остановке парня. Он снял один наушник:

— Вы это мне? — спросил парень.

Я немного опешила и замахала руками.

— А? Нет, нет, господин. Я по телефону разговариваю.

Он обглядел меня, ища телефон или хотя бы наушник, затем развернулся.

Призрак рядом расхохотался.

— Ахахаха, по телефону, ха-ха! Ну, Кан Хаён! Ты смешная! Меня зовут Мён Джису.

Я ничего не ответила. Подъехал мой автобус, и я села в него, а Мён Джису остался на остановке. «Спасибо, Господи!» — подумала я.

Выйдя на своей остановке, я зашла за раменом и взяла газировку. Поднялась на этаж. Квартира у меня была небольшая: гостиная, совмещённая с кухней, отдельная спальня, и ванная с туалетом.

Я написала маме, что сегодня хочу побыть у себя, чтобы она не волновалась. И пошла в душ. После включила телевизор и принялась за рамен. Как вдруг почти у самого уха раздалось:

— А гостя угостить не хочешь?

Я вскочила с дивана, завизжала что есть силы и кинула подушку.

— Боже, Хаён! Да не ори ты так! — сказал Джису.

— Какого чёрта ты тут делаешь? Ты что, в душе за мной подглядывал, извращенец! — завопила я.

— Эй! Ты за кого меня принимаешь? Не подглядывал я за тобой! Больно надо! — возмутился он.

— Чего ты ко мне прицепился? Что тебе от меня нужно?

— Помощь!

— Я не умею воскрешать мёртвых!

— Я и не мёртвый! — заявил он.

Я удивлённо посмотрела на него, не понимая: я вижу мёртвых, а если он не мёртвый, тогда что?

— Подожди, — я села рядом с ним. — Как это? А почему я тебя тогда вижу?

— Я сейчас нахожусь в коме, второй месяц.

— А чем я тебе могу помочь?

— Верни меня в моё тело.

— Я не могу, как я это сделаю? Я призраков начала видеть не так давно.

— Правда? А как это случилось?

Я вздохнула, раздумывая, говорить или нет.

— В общем, я тоже была в коме месяц назад. Меня сбили на переходе в парк, где я обычно играю в го.

Я заметила, как глаза Мён Джису расширились.

— А какое было число? — вдруг спросил он.

— Третье августа.

Я заметила, как он занервничал.

— Было прохладно, — начал он. — Весь день лил дождь, на тебе была алая помада, волосы уложены в пучок, строгий брючный костюм, из сумки торчал красный зонтик. Перед собой в последний миг ты, скорее всего, видела белый камень го и белую Хонду, которая потом врезалась в дерево. Весь перед машины разбит, а водитель чудом остался жив, но находится в критическом состоянии.

Я слушала его и не верила своим ушам!

— Так это был ты? Тебя где водить вообще учили? Ты чуть нас не угробил! — возмутилась я.

— Кан Хаён, послушай! Не всё так просто. — Он опустил глаза, подбирая слова. — Я медиум.

— Что? — тут расхохоталась я.

Мён Джису сделал кислое лицо.

— Конечно, посмейся…

— Ахахаха, прости, но это уж слишком, ахахаха.

— Сказала девушка, которая видит призраков. — Наигранно произнёс Джису.

Я на миг стала серьёзнее, а потом опять расхохоталась.

— От этого ещё смешнее, хахаха.

— Кан Хаён, я серьёзно! — вдруг он чуть повысил голос.

— Ладно, прости, Джису.

— Я медиум, и я так же, как и ты, вижу призраков! Я помогаю людям.

— Это что-то вроде доски уиджи и всё такое?

— Нет, Хаён! Ко мне приходят люди с проблемами: найти человека, определить, где он и жив ли он. Духи умерших мне в этом помогают. Из последнего, что я помню, ко мне обратилась женщина, Чхон Минджи. Она искала своего девятнадцатилетнего сына, но, к сожалению, после той аварии моя память будто разорвана. Я помню только отдельные события: помню её, что она искала сына, и то, что я до чего-то докопался! До чего-то очень важного!

— Мама говорила, что авария была странной, — перебила я его. — Очевидцы говорят, что твоя машина остановилась, но потом вдруг резко поехала. Ты сбил меня и, выруливая на скорости, врезался в дерево.

— Да, кажется, припоминаю, — Джису почесал подбородок.

Я смотрела на Мён Джису и не знала, что мне делать. Казалось, он говорит правду, но всё, что произошло со мной и происходит сейчас, казалось просто кошмаром. Было ощущение, что я сейчас проснусь, и всё будет как прежде. Но это была реальность. И я решила ему помочь — но не из сострадания, а чтобы разобраться, почему я стала видеть призраков. Почему именно я?

— Ладно, призрак-извращенец, так и быть, помогу тебе! Уговорил.

Мён Джису посмотрел на меня, и в его глазах вспыхнула надежда.

— Правда?

— Правда! Но только ты тоже помоги мне: я должна понять, откуда у меня эта способность и как от неё избавиться!

— Избавиться? От неё невозможно избавиться, Кан Хаён! — усмехнулся он.

— Неужели? Как пришло, так и уйдёт. Придумаешь что-нибудь! Ладно, Мён Джису, я спать — мне завтра на работу.

Я встала с дивана и направилась в спальню, но Джису загородил мне дорогу.

— Как это на работу, Хаён? А я? У меня нет времени! Мне нужно вернуться в тело!

— А меня ждут покойники!

— Покойники? Духи?

— Нет, самые обычные. Я патологоанатом.

Джису изумлённо уставился на меня.

— Да ты, оказывается, интересная женщина, Кан Хаён!

— Обсудим всё завтра, Мён Джису! Мне пора спать.

Он так и не сдвинулся с места. И тут меня осенило: «Наверное, можно пройти сквозь него, как в кино?» — и я, не раздумывая, шагнула вперёд, проходя прямо сквозь него, и закрыла за собой дверь. Из-за двери раздался возмущённый голос:

— Это нечестно, Кан Хаён! И я вовсе не извращенец! — крикнул он с обидой в голосе.

***

Утром, едва разлепив веки, я поплелась в ванную, словно зомби. Тело гудело от недосыпа, и после душа я, как обычно, вышла только с полотенцем на голове, намереваясь сварить кофе. Обернувшись, я замерла…

— Мён Джису! А-а-а-а!

Я взвизгнула и принялась прикрываться чем попало, параллельно швыряя в него всё, что подвернётся под руку.

— Я не смотрю! Не смотрю, Кан Хаён! Прости, что напугал! — прокричал он.

— Ты можешь не отираться в моей квартире? — рявкнула я и метнулась за халатом.

— А зачем ты вышла голая? — удивлённо спросил он.

— Я у себя дома! Как хочу, так и хожу, ясно? Я забыла, что ты тут! Я тебя вообще не приглашала! — затараторила я.

— Я ничего не видел! Да и не на что смотреть. Я не видел.

Было видно, что он смущён не меньше меня.

— Не на что смотреть? — изумилась я.

— Ну, в смысле… Кан Хаён, прости, я не думал, что ты выйдешь раздетой. Давай уже, собирайся.

Я фыркнула и направилась в спальню одеваться, затем в ванную — сушить волосы и наносить макияж. А Джису стоял рядом и капал на мозги.

— Ну и как? Трупам, наверное, нравится твой макияж, — с язвительной улыбкой произнёс он.

— Как остроумно…

— Кан Хаён! Чем быстрее мы найдём моё тело, тем быстрее я избавлю тебя от своего присутствия.

Я тяжело вздохнула.

— Ты хотя бы знаешь, в какой ты больнице?

Он отрицательно покачал головой.

— А где живут твои родители, хоть помнишь?

— Слава богу, это помню. Ну что, идём к ним?

— Нет, сегодня я работаю.

— Тогда вечером?

— Я хочу вечером поиграть в го, а вот завтра начнём, но при условии, что ты оставишь меня хотя бы на пару часов!

— Сегодня вечером и оставлю тебя на пару часов, — улыбнулся он.

— Хорошо! — выдохнула я.

В ту же секунду Мён Джису растворился в воздухе, будто его и не было в моей квартире. Я вышла из ванной, оглянулась — никого. Прошла чуть дальше — никого! «Неужели наконец-то он решил оставить меня в покое?» — промелькнула мысль.

На радостях я отправилась на работу. День шёл гладко: было уже прохладно, но улицы буквально заливало солнечным светом, и улыбка сама напросилась на губы. Возле больницы я забежала за кофе и прошла в ординаторскую.

— Кан Хаён, как ты? Мы так волновались! — заголосила Пэк Мисон, вскакивая с диванчика и тиская меня в объятиях.

— Да, Хаён, мы переживали! — подхватила Но Чонэ.

— Спасибо, всё в полном порядке, просто посткоматозное состояние, — я махнула рукой. — Ничего страшного.

— Слушай! Это надо отметить! Пойдём сегодня в бар или караоке — мы знаем, как ты любишь петь Мэрилин Монро. — Девочки наигранно затянули «I Wanna Be Loved By You».

— Я сегодня не смогу, девочки, простите. Но на днях точно! — с улыбкой ответила я.

— Идёшь играть в го со старпёрами? — спросила Чонэ.

— Нет.

— Нашла новых подружек? — прищурилась Мисон.

— Нет.

Тут рот Чонэ распахнулся, будто она раскрыла тайну века.

— Мисон! — толкнула она подругу. — Да у неё, кажется, парень появился!

Я мгновенно покраснела, воспроизведя в памяти события прошлого вечера, и ужаснулась.

— Нет! Господи, Чонэ! — запаниковала я.

Чонэ сделала хитрую улыбку.

— Кто он? Высокий? Красивый? Сколько лет? Кореец или иностранец?

— Чонэ! — повысила я голос. — Нет у меня парня! Всё, я работать!

Я развернулась и направилась к выходу, но сзади раздался шёпот:

— У неё точно парень! — тихонько сказала Мисон.

— Я всё ещё слышу! — бросила я, и девочки прыснули со смеху.

Мисон и Чонэ были мои ровесницы, им тоже было по двадцать семь. Мама удивлялась, как у меня с таким характером строгой учительницы могли быть такие весёлые подруги.

Подойдя к моргу, я помедлила перед тем, как открыть дверь, но, собравшись с силами, дёрнула за ручку. Там было пусто: холодные железные столы, холодильники, резкий яркий свет. Я прошла внутрь, как обычно засунув наушники, принялась изучать бумаги и затем погрузилась в привычную рутину.

На столе лежал Пё Тэгук. Двадцать пять лет. Причина смерти — самоубийство: спрыгнул с крыши многоэтажки. Так, по крайней мере, считает полиция, анализируя место происшествия. Моя задача — выяснить, так ли это на самом деле.

Я вглядывалась в каждый фрагмент тела, изучая всё досконально, чтобы не упустить ни единой детали. Я рассматривала ссадины, как вдруг заметила движение слева у двери. Подняв глаза, я вздрогнула.

— Мён Джису! Какого чёрта? Ты сказал — два часа! — резко бросила я.

— Так и есть, Кан Хаён. Они уже прошли.

Он стоял, улыбаясь, скрестив руки на груди. Я, не обращая внимания, продолжила работу.

— Как ты работаешь в таком шуме? Я бы точно сошёл с ума! — хмыкнул Джису.

— О чём ты? — спросила я, не отвлекаясь от дела.

— Тут столько вопящих духов, что я себя с трудом слышу, — сказал Джису.

— Я слышу только одного вопящего — это ты! — Я повернулась к нему, но его глаза скользили по помещению, будто здесь был кто-то ещё.

— Мён Джису? — окликнула я. Но он смотрел куда-то в угол.

Я обернулась — и не поверила своим глазам! В углу стоял тот самый мужчина, что лежал на моём столе! Он смотрел на меня и отрицательно качал головой:

— Я не прыгал! Не прыгал! — при этом он указывал на собственную руку.

В мгновение он исчез, а я принялась осматривать его руки. И тут послышался голос Джису:

— Я знаю его! Припоминаю! Я его допрашивал!

Я подняла взгляд на Джису и указала на запястье правой руки:

— Смотри!

На руке парня я обнаружила едва заметный след от верёвки, не совпадающий с деталями в полицейской карте.

— Что он тебе рассказал, Джису? — спросила я.

Мён Джису задумался.

— Я не помню… Мне нужно вернуться в тело! Я должен всё вспомнить!

Глава 4

Ночь сомкнулась надо мной. Я бежала по улице, поглощённой беспросветной тьмой, — ни один фонарь не мог освятить эту липкую, давящую мглу. Вокруг высились лишь безмолвные, чёрные силуэты домов и деревьев, похожие на сторожей забытого кладбища. Страх, первобытный, дикий, животный, вцепился мне в горло ледяными пальцами, заставляя сердце колотиться где-то в ушах. Я обернулась, вглядываясь в непроглядную черноту за спиной, — никого. Снова бег, снова обрывок дыхания, снова резкий поворот головы — пусто. И только когда я развернулась вперёд, мир взорвался неожиданностью: передо мной, словно выросший из самой земли, стоял Мён Джису.

— Помоги мне, Хаён! — его крик разрезал тишину, полный отчаяния и мольбы.

Я резко проснулась. В комнате царил полумрак, серые тени дрожали на стенах. Повернувшись к окну, я услышала, как дождь яростно барабанил по стеклу, словно нетерпеливый гость. Я выдохнула, позволяя воздуху медленно выйти из лёгких.

— Господи, — прошептала я, — и во сне этот Джису решил меня достать!

Часы показывали девять ноль пять. Сегодня выходной, но я была настроена помочь Джису. Вчера, когда я обнаружила на теле Пё Тэгука следы от верёвки, Джису узнал в нём подозреваемого — или, по крайней мере, того, кто знал какую-то информацию о пропавшем парне. На лице Джису застыла тревога, глубокая и тяжёлая, как осеннее небо. Если всё действительно так, если он помогает людям, нужно вернуть его в тело. Изучая карточки людей, я то и дело натыкаюсь на тех, кто пропал несколько недель или месяцев назад, и каждый раз моё сердце сжимается от мысли, каково родителям узнать, что их ребёнок не вернётся…

«Ладно, Хаён, вставай!» — приказала я себе.

Выйдя из спальни, я увидела Джису, стоящего у окна. Он смотрел на дождь.

— Доброе утро, Мён Джису! — поздоровалась я.

Он обернулся, и на его губах расцвела улыбка.

— Доброе утро! Сегодня поможешь, как обещала?

— Помогу! — я улыбнулась в ответ.

Он улыбнулся ещё шире, словно моё согласие было для него лучшим подарком, и указал на окно.

— И даже дождь тебя не напугал?

— Я патологоанатом и вижу призраков, — усмехнулась я, — что ещё может меня испугать?

— Действительно, — хмыкнул он.

— Ладно, я в душ, а после зайдём позавтракать.

Собравшись, я вышла из дома, и Джису бесшумно последовал за мной. Войдя в кафе, я немного выдохнула: здесь было почти пусто. Я заказала кимпаб и кофе, села за дальний уединённый столик у окна и надела наушник.

— Эй, что это ты делаешь, Кан Хаён? — обиженно спросил Джису, — не хочешь меня слышать?

— Не хочу, чтобы люди думали, что я разговариваю сама с собой, — ответила я.

— А-а-а! — протянул он с усмешкой, — а ты соображаешь!

— Ладно, Джису! Давай обсудим план. Как я должна помочь? Что требуется? Что ты помнишь? — я достала из сумки блокнот и ручку и внимательно посмотрела на него. Тот, конечно, уже готовил очередную колкость для меня.

— Кан Хаён! Ты посмотри! — воскликнул он, — серьёзно подошла к делу!

— Послушай, Джису! Давай уже, пожалуйста, разберёмся с этим без твоих подколов. Я хочу, чтобы ты больше не отирался в моём доме и убрал от меня эту способность.

— Ладно, извини, — он сделал паузу, и его голос стал тише. — Признаться, я сам не знаю, с чего начать. Давай зайдём к моим родителям, думаю, они знают что-то. Я им, возможно, говорил.

— Твои родители знают о твоей способности? — уточнила я.

— Да.

— А как с тобой это произошло?

— У отца моей мамы была такая же способность, она передалась мне. Дед ей не пользовался, а мне с детства страсть как нравилось разговаривать с мёртвыми. Потом повзрослел, хотел стать полицейским, но не смог доучиться — слишком много сложностей и несостыковок. И потом… потом… — он вдруг затараторил, что-то вспоминая.

— Ты что-то вспомнил? — насторожилась я.

— Да, в полиции работает друг… Как же его зовут? — он наморщил лоб, пытаясь выудить имя из глубин памяти.

Я смотрела на него, и мне даже было его немного жаль. Хотелось похлопать по плечу, но это было невозможно — я не могла коснуться призрака.

— Ладно, я сейчас доем, и поедем к твоим родителям. Они точно скажут то, что нам нужно, Джису! — пообещала я.

Джису посмотрел на меня и улыбнулся уголком губ.

Подъехав к дому родителей Джису, дождь наконец-то прекратился. Но, глядя на этот дом, я начала паниковать. Сердце сжалось от внезапной волны тревоги.

— Джису, как зовут твоих родителей? — спросила я, пытаясь собраться.

— Мён Гювон и Сим Юджин, — ответил он.

Я вздохнула.

— Да, знакомство с родителями всегда волнительно, — съязвил он.

— Послушай-ка, остряк! — я развернулась к нему и гневно посмотрела.

Он вскинул руки, изображая капитуляцию, и ухмыльнулся.

— Молчу, прости, Кан Хаён.

Я позвонила в звонок. Дверь открыла милая женщина с тёплыми, но уставшими глазами.

— Здравствуйте, вы госпожа Сим Юджин? — я улыбнулась как можно мягче.

— Да, а вы кто? — она слегка наклонила голову, разглядывая меня.

— Меня зовут Кан Хаён, я девушка Мён Джису.

Я хотела сказать, что я коллега, но проклятый Джису сбил меня своими приколами, и слова вырвались сами собой. Я почувствовала, как щёки заливает краска.

— Девушка? — она улыбнулась, в этой улыбке мелькнуло удивление и радость. — Надо же! Он не говорил.

— Да, мы начали встречаться не так давно, пару месяцев назад. Не могу до него дозвониться, он оставил мне адрес ваш на всякий случай. Я очень переживаю, обычно он каждый день звонит. А тут пропал! Я подумала что могло что-то произойти.

За спиной я услышала заливистый смех Джису.

— Какой я хороший, каждый день звоню! — шептал он.

«Хаён, успокойся, убью его, когда он очнётся», — мысленно пообещала я себе.

Вдруг лицо матери потемнело, и я увидела в нём отражение глубокой, неутолимой печали.

— Бедная девушка, — сказала она, — проходи.

Мы вошли в дом. Он был светлым и просторным, с кухни доносился аромат свежей еды и кофе.

— Гювон! Гювон! — позвала мужа Сим Юджин. — Ты не представляешь, наконец-то у нашего мальчика появилась девушка!

— Правда? — раздался голос с кухни. — Я уже подумал, что он безнадёжен.

Я с язвительной улыбкой резко обернулась и посмотрела на Джису, который стоял рядом, и он в ответ лишь виновато пожал плечами.

В комнату вошёл отец Мён Джису и одарил меня тёплой, почти отеческой улыбкой, подходя с распростёртыми объятиями.

— Её зовут Кан Хаён, — представила меня госпожа Юджин.

— Здравствуй, доченька! — он обнял меня, и я почувствовала, как в этом жесте было столько тепла, что оно проникло даже сквозь мою броню. — Ах какая красивая! У Джису хороший вкус. Садись на диван.

Мы сели друг напротив друга. Родители одновременно вздохнули, и этот вздох был тяжёлым, как камень, упавший в воду. Я заметила, как глаза Джису опустились, и от этой картины у меня сжалось сердце.

— Милая, — начала Сим Юджин, её голос дрогнул, — Джису в коме.

Я округлила глаза, изображая шок, но на самом деле внутри меня всё сжалось от боли — не притворной, а настоящей глядя на их лица которые еще надеются увидеть сына живым.

— Что? Этого не может быть! — воскликнула я, — что произошло с моим дорогим Джису?

Я начала давить из себя слёзы, и они, к моему удивлению, пришли сами — горькие, настоящие.

— Он попал в аварию, — сказала мать, её голос был полон тихой, сдержанной муки. — Сбил девушку. Девушка вышла из комы, а он — нет.

— Я смогу его навестить? В какой он больнице? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Конечно, мы внесём тебя в список, — сказал господин Гювон.

— Джису чудом выжил, — продолжила госпожа Юджин, — говорят, авария была странная. Он остановился, а потом резко дал по газам!

— А это не могли подстроить? — я наклонилась вперёд, — может, это как-то связано с его работой? А его друг полицейский ничего не говорил? Ах, Джису говорил, как его зовут… — я наиграно, будто вспоминая, сомкнула пальцы у виска.

— Мун Кван! — сказал господин Гювон. — Он только сказал, что Джису собирался на днях к шаманке Со Михва. А зачем — не знаю. Наверное, что-то по его расследованию. Он до чего-то докопался… возможно, аварию и подстроили.

Я заметила, как напрягся рядом Мён Джису, и его лицо стало жёстким, словно камень.

— Спасибо вам большое, — сказала я, — я не находила себе места! Напишите, пожалуйста, мне адрес больницы. Я приду к нему, как только будет возможность выбраться с работы.

— Конечно, милая, сейчас, — сказала госпожа Юджин и протянула мне листок. — Вот, держи. Мы сейчас же позвоним и внесём тебя в список родственников.

— Большое вам спасибо, — я сжала листок, — я так переживала за моего любимого Джису.

Выйдя из их дома, я заметила, что его родители всё ещё смотрят на меня в окно. Я помахала им, и они ответили мне улыбкой. На мгновение мне стало почти стыдно за эту ложь, но я тут же напомнила себе, ради чего всё это.

— Надо же, — усмехнулся Джису, — да ты прирождённая актриса, Хаён!

— Спасибо, — бросила я, уже лихорадочно ища в телефоне, как найти Со Михва.

— Даже не ответишь нападкой? — удивился он.

— Нет, — я подняла на него глаза, — я нашла шаманку! Едем!

Когда мы наконец добралась до дома шаманки на другом конце Сеула, часы на приборной панели такси показывали шестнадцать сорок. Её жилище скрывалось за высоким, глухим забором, у которого уже толпился народ. В руках у людей пестрели корзины с фруктами, свёртки мяса и коробки сладостей — всё это были подношения для госпожи Со Михвы. Я и мой незримый спутник, дух Мён Джису, направились к воротам, но нас тут же остановил грубый окрик:

— Куда это вы, девушка? Тут очередь! Многие с самого утра стоят! Встаньте в конец! — проворчал мужчина с недовольным лицом.

— Простите, господин, я здесь впервые, — виновато ответила я, опустив взгляд.

Мне пришлось побрести в самый хвост очереди, чувствуя, как спину прожигает его осуждающий взгляд. Джису тихо заметил:

— А Со Михва, оказывается, популярна.

— Этого я не предусмотрела, — раздражённо выдохнула я, скрестив руки на груди.

Мы простояли почти два с половиной часа. Наконец из ворот вышла девушка в изящном ханбоке, она о чём-то беседовала с людьми, принимала дары и что-то записывала в маленький блокнот.

— Ты постой, я осмотрюсь, — сказал Джису и бесшумно растворился в воздухе.

— Хорошо, — кивнула я, оставшись одна среди чужих людей.

Минут через двадцать я начала беспокоиться: «Куда подевался этот Джису?» Вдруг из двора потянулись разочарованные люди, многие ругались вполголоса: «Я столько времени ждала!» Я выглянула из-за спин и увидела ту самую девушку в ханбоке.

— Простите, но госпожа Михва сегодня больше никого не примет, ей нездоровится, — объявила она, сжимая руки. — Общение с духами отнимает у неё много сил.

Толпа начала расходиться, а я так и осталась стоять, обескураженная. Подойдя к девушке, я тихо попросила:

— Простите, можно мне увидеть Со Михву? Мне буквально на несколько минут.

Она посмотрела на меня встревоженно и резко бросила:

— Нет! — и захлопнула калитку перед моим носом.

Я стояла, не зная, что делать. Через мгновение рядом возник Джису, сияющий улыбкой:

— Чего стоишь, Хаён? Пошли!

— Как? Куда? Шаманка же не принимает! — удивилась я.

— Это я попросил её прогнать людей, но она нам не рада. Идём! — загадочно произнёс он.

— Да как идём, Джису? — я указала на ворота. — Это ты у нас сквозь стены ходишь!

Мён Джису посмотрел на забор, потом на меня, и с усмешкой бросил:

— Перелазь! — и мгновенно исчез за забором.

«Я точно его убью, когда он очнётся!» — пронеслось у меня в голове. Я осмотрела забор, нашла пару торчащих гвоздей, чтобы зацепиться, и полезла. «Наверное, со стороны это выглядит комично: молодая девушка в строгом костюме и пальто карабкается по забору», — подумала я, цепляясь за края. Внизу меня уже ждал Джису, ухмыляясь во все зубы.

— Отлично, Хаён! Быстрее! — поторопил он меня.

Я спрыгнула и последовала за ним. Двор был пуст, но предметы красноречиво говорили о недавнем ритуале: на земле лежали пучки трав, куски мяса — подношения духам, а в железной чаше ещё тлели угли. Я вошла в дом, где меня уже поджидал Мён Джису.

— Идём, нам туда, — кивнул он.

Мы двинулись по тёмному коридору, и вдруг я увидела приоткрытую дверь. В комнате на стуле сидела сама шаманка, прижимая правую руку к сердцу. Она была явно встревожена. На ней красовался ярко-красный ханбок и цветастый головной убор, больше похожий на корону из папье-маше. Рядом стояла та самая девушка и обмахивала её веером.

Вдруг шаманка вскинула глаза, увидела меня и испуганно вскрикнула:

— Что вам нужно! Оставьте меня! — её голос сорвался.

Я шагнула в комнату.

— Уходите! — воскликнула девушка. — Не видите, госпоже плохо!

— Простите за вторжение, госпожа Михва, но у меня дело крайней важности, — я старалась говорить ровно.

— Знаю я ваши дела, Кан Хаён! — резко ответила шаманка.

Я вздрогнула: я ведь не называла ей своего имени. Мурашки побежали по коже.

— Ты не должна была проснуться так быстро, — сказала она, и по мне прошёл холод ужаса. — А ты! — она перевела взгляд за мою спину, где стоял Джису. — А тебя вообще не должно быть на этом свете!

— Что вы имеете в виду, Со Михва? — спросил он, нахмурившись.

Шаманка тяжело выдохнула, опустив глаза в пол, а затем подняла их:

— Ко мне приходил человек, представился Мин Бёном. Он заплатил мне хорошую сумму, чтобы я напугала тебя, Мён Джису. Сказал, что ты мешаешь его бизнесу и тебя нужно припугнуть. Я согласилась и подослала к тебе злого духа, который должен был предостеречь тебя… Но случилось ужасное. В мой обряд кто-то вмешался, и я заметила это слишком поздно. Я была в трансе и не могла остановить процесс, иначе сама бы погибла. Потом выяснилось, что произошла страшная авария, пострадали двое. Я сразу поняла, что это моя вина. У меня было твоё фото, Джису, возле машины.

Мы переглянулись с Джису. В наших взглядах читались одни и те же эмоции: непонимание и страх.

— Я не виновата! Я никогда бы не причинила вреда людям! — вдруг заплакала шаманка.

— Госпожа Михва! — я подошла к ней и опустилась на колени, взяв её за руки. — Помогите нам, пожалуйста, и искупите свою вину! Мне нужно вернуть дух Джису в его тело.

Шаманка внимательно посмотрела на нас, и в уголках её губ мелькнула лёгкая улыбка.

— Да, я думаю, я смогу, — тихо сказала она. — Мин Сора, подай мне травы из шкафчика.

Девушка тут же бросилась исполнять поручение. Шаманка принялась смешивать что-то, шепча заклинания и раскачиваясь вперёд-назад на стуле. Спустя полчаса ожидания она поднялась и подошла ко мне.

— Вот! — она вложила мне в ладонь крошечный свёрток бумаги, внутри которого было что-то мягкое, похожее на разжёванную жвачку. — Положи это под губу парня. Только обязательно будь рядом со своим телом, — предупредила она Джису.

— Конечно! Спасибо вам, Со Михва, — искренне поблагодарил он.

Мы вышли из дома шаманки. Часы показывали двадцать один двадцать. Я набрала номер его матери, и в трубке раздался радостный голос:

— Кан Хаён, дочка, что-то случилось?

— Эм, нет, я просто хотела навестить Джису завтра. Вы случайно не собираетесь к нему завтра?

— Ах, Хаён, завтра у нас дела, но если ты боишься одна, мы всё отменим и поедем с тобой!

— А! Нет-нет, госпожа Юджин, я справлюсь! Спасибо. До свидания, доброй ночи.

— Доброй ночи, дочка.

Я выдохнула. «Дочка», — эхом отозвалось в голове, и я смутилась. Подняв глаза, я заметила хитрую улыбку на лице Джису.

— Даже не смей, Мён Джису! — пригрозила я, погрозив пальцем.

— Ладно, Хаён, я даже не буду тебя подкалывать всю оставшуюся ночь, — пообещал он с притворной серьёзностью.

— Ах, спасибо, добрый господин! — закатила я глаза.

Вернувшись домой, я сразу отправилась в душ, а затем в спальню. Джису, как и прежде, остался в гостиной. Сон пришёл быстро — сегодня был слишком тяжёлый день. А завтра… завтра мне предстояло вернуть Джису из комы.

***

Утром мы с Джису отправились в больницу, где лежало его тело, поддерживаемое аппаратами жизнедеятельности. Джису сегодня был почти молчаливым, мы перекинулись лишь

парой фраз. Ехав в пустом автобусе, я посмотрела на него: он смотрел перед собой, о чём-то глубоко задумавшись.

— Джису, всё получится, не переживай, — я хотела взять его за руку, чтобы приободрить, но одёрнула себя, вспомнив, что не смогу этого сделать.

Он заметил это, поднял на меня глаза и тихо улыбнулся.

— Спасибо, Хаён, — сказал он мягко.

Войдя в больницу, я представилась, и медсестра проводила меня в палату. Тело Джису лежало в одиночестве: исхудавшее, бледное, с закрытыми глазами, медленно дышащее через трубку во рту. Моё сердце сжалось от боли. Я села на край его постели и бережно поправила волосы.

— Ооо, Хаён, спасибо, ты такая милая, — промурлыкал Джису за моей спиной.

Я обернулась, бросив на него строгий взгляд. Он, как всегда, улыбался.

Я достала из сумки свёрток, развернула его и вынула липкий чёрный комок, похожий на пластилин.

— Ты готов? — спросила я.

— Готов! — твёрдо ответил он.

Я осторожно вынула трубку из его рта. Датчики на аппаратах мгновенно запищали, но я не обращала внимания — быстро вложила комок под губу Джису и замерла в ожидании. Дух Джису всё ещё стоял рядом со мной. Мы уже начали бояться, что Со Михва обманула нас, но в какой-то миг его дух начал входить в тело. Он затрясся, и вдруг его глаза распахнулись.

— Хаён! — хрипло произнёс он.

От радости, что всё получилось, у меня навернулись слёзы.

— Не говори ничего пока, — прошептала я, улыбаясь сквозь слёзы.

— Хаён! — повторил он и слабо сжал мою руку.

Я вспомнила ситуацию в автобусе, улыбнулась и крепко взяла его за руку. Он ответил мне таким же крепким пожатием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.